

УДК 39+398(=511.131)
ББК 63.5 (2Рос.Удм) + 82.3 (2Рос.Удм)

ЧУК В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ¹

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ВЛАДЫКИНА

(Удмуртский федеральный исследовательский центр
УРО РАН: Российская Федерация, Удмуртская Республика,
426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34)

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ГЛУХОВА

(Удмуртский государственный университет: Российская Федерация,
Удмуртская Республика, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1)

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ПАНИНА

(Удмуртский федеральный исследовательский центр
УРО РАН: Российская Федерация, Удмуртская Республика,
426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34)

***Аннотация.** В статье рассматривается одна из своеобразных предметных реалий удмуртской этнокультуры — чук (юж.) / туг (сев.) — красная шелковая нить/пряжа, кисть/пучок/связка из разноцветных ниток, бахромы, ленточек, лоскутков, полотенца, покрывал, платков. Полифункциональная сущность предмета раскрывается в обыденном и ритуальном контекстах. Выявлено, что в зависимости от ситуации чук воспринимается как метка, оберег, жертва-дар, материальный символ-знак заместителя человеческой души.*

В обыденных ситуациях чук используется в апотропейной магии и лечебной практике. Красной нитью/пряжей обвязывают безымянный палец в целях избавления от ячменя на глазу, запястье грудных детей — для защиты от непреднамеренного сглаза. Кисточку из шерстяных или льняных ниток прикрепляют к вязаным или тканым вещам в случае копирования с них узора.

Чук является атрибутом календарных обрядов весенне-летнего цикла, свадебного и рекрутского обрядов. В календарной обрядово-праздничной культуре чук/туг обретает вид жертвенного подношения/подарка. Обряды встречи весны и пика лета, манифестирующие вместе с расцветом природы молодость и начало зрелости, отмечены постоянным сюжетом подношения/жертвования членами деревенской общины разных видов полотна как символа человеческой жизни-пути для даров парням и молодым мужчинам — участникам скачек. На разных этапах свадьбы семантика символа зависит от его связи с участниками обряда: по отношению к невесте — это подарки, по отношению к поезжанам — способ персонификации смехового образа пришельцев-чужаков. В рекрутском обряде вбитый в матрицу чук становится материальным символом-знаком — заместителем человеческой души, объединяя функции метки, оберега и жертвы.

***Ключевые слова:** удмурты, чук в повседневности и в ритуале, метка-оберег, жертва-дар.*

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (грант РФФИ № 16-34-00026).

ВВЕДЕНИЕ

В традиционной культуре каждого народа имеются предметы, наделяемые особым семиотическим статусом. В разных жизненных ситуациях они содержат определенную знаковую информацию, «считываемую» представителями конкретного социума. Одним из интересных атрибутивных символов в удмуртской традиционной культуре является *чук* (юж.) / *туг* (сев.) — кисть/пучок/связка из разноцветных ниток, бахромы, ленточек, лоскутков; полотенца, покрывала, платков.

Полифункциональная сущность предмета раскрывается в обыденном и ритуальном контекстах, обретая разнообразные формы и смыслы. В зависимости от ситуации *чук* воспринимается как метка, оберег, жертва-дар, заместитель души.

ЧУК В АПОТРОПЕЙНОЙ МАГИИ И ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Кисточку из шерстяных или льняных ниток с бисеринкой, перламутровой пуговичкой или без нее удмуртские женщины пришивали к затканному концу головного полотенца замужней женщины (*чалма*) (см. фото 1 на 3 обложке), домотканому ковру, вязаным или тканым чулкам, варежкам, мужскому тканому поясу в случае копирования с них узора. Здесь *чук* был видом благодарности и своеобразным символом-жертвой, способным предотвратить «сглаз». Согласно поверьям, передавая какой-либо предмет, сделанный своими руками, другому человеку, навсегда можно лишиться (*кисьёр* — букв.: уйти за <чужими> руками) умения, счастья, достатка, спорины *дэлет*, поэтому *чук* воспринимался как оберег [Христюкова 1995, 187]. По количеству кисточек на узорных изделиях можно было судить также о способностях мастерицы и количестве «копий» с ее изделий.

Чук-лоскуток в виде символического дара-платы, эквивалентного современным деньгам, передавали за получение съестных припасов, например, овощей

с чужого огорода, чтобы не лишить удачи/спорины его хозяев. *Чук* из разноцветных лоскутков или ленточек прикалывали булавкой к внутренней стороне одежды при ее одалживании во время родным или посторонним людям².

Лоскутками яркой материи метили молодняк (ягнят, козлят, телят) перед выгоном стада на пастбище, но, помимо утилитарной цели отличать свое поголовье, преследовали и магическую цель: защитить скот от «сглаза». Обережными свойствами наделялись яркие цвета, особенно красный, обладающий высоким семиотическим статусом. Потому нередко на шее животных и сегодня можно увидеть ошейники с разноцветными тряпичками, и чем моложе животное, тем ярче его метка³. Красную нить/пряжу использовали и для защиты грудных детей от непреднамеренного сглаза (*синусем*): завязывали на правое запястье новорожденного [Герд 1993, 55].

Лоскут/нить красного цвета нередко встречается и в лечебной практике [Панина 2014, 167–168]. При болях и ломоте на запястье привязывали *чук* «в виде браслетки кольца из шерстяных красных ниток» [Верещагин 2000, 27]. Красный лоскут завязывали на запястье при кори, красной нитью/пряжей обвязывали безымянный палец в целях избавления от ячменя на глазу.

ЧУК В ОБРЯДАХ КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛА

Вид жертвенного подношения/подарка *чук/туг* обретал в обрядово-праздничной культуре. Так, у южных удмуртов к Масленице (*Вёйдыр/Масленча*) был приурочен обычай собирать по деревне подарки-*чук* на наверхние прялки⁴. Во время обхода дворов парнями хозяйки подвязывали к нему отрезки материи, ленты, полотенца, а молодичи — головные полотенца (*чалма*). В традиции завятских удмуртов (территория современной Республики Татарстан) таким способом дары-подарки собирали

² Благодарим за информацию преподавателя УдГУ Л. П. Федорову, уроч. д. Кузубаево Алнашского р-на УАССР.

³ Любопытно, что в удмуртском языке сохранилось выражение «*горд чук думом но сиём*» (букв.: привяжем красный *чук* и съедим) в значении «пустить кровь = резать/забить животное/птицу». Иносказание употреблялось в стремлении скрыть ситуацию, поскольку полагали, что скот, как и весь окружающий человека мир, понимает человеческую речь [Владыкина 2008].

⁴ По конструкции удмуртская прялка состоит из остова и съёмного наверхия.

для молодежи. Парни шли из дома в дом с наверхишем ее прялки и в каждом доме исполняли специальную песню *кубо чук куран* (букв.: прялочной жертвы прошение) [Munkácsi 1952, 34–35], основным мотивом которой было требование подарка:

«Кубо чук кулэ милемлы, айгай!
Кубо чуктэсты эвол ке, айгай:
Чоняри вотосты дяралоз, айгай!
Чоняри вотосты эвол ке, айгай:
Кюнь кюзя сйнысты дяралоз, айгай!
Кюнь кюзя сйнысты эвол ке, айгай:
Коньдон укседы яралоз, айгай!
Коньдон укседы эвол ке, айгай:
Черык басмады яралоз, айгай!
Черык басмады эвол ке, айгай:
Ок сюмык аракты дяралоз, айгай!
Ок сюмык аракты эвол ке, айгай:
Ок сюмык сурьёсты яралоз, айгай!
Ок сюмык сурьёсты эвол ке, айгай:
Ыштан кальёсты яралоз, айгай!
Ойдолэ потом со корка, айгай,
Куасам но няндэ сийыны, айгай!
Куасам няннёсты нянь кайик, айгай,
Ачидэс вылэм лул кайик, айгай!
(Прялочная жертва-чук нужна нам, айгай!
Прялочной жертвы-чук если у вас нет,
айгай:

Паутина ваша сгодится, айгай!
Паутины если у вас нет, айгай:
Три нитки ваши сгодятся, айгай!
Трех ниток если у вас нет, айгай:
И копеечка сгодится, айгай!
Копеечки у вас нет если:
Четверть аршина (4 вершка) ситца
сгодится, айгай!
Четверти аршина ситца нет у вас если,
айгай!

Одна чарочка водки сгодится, айгай!
Одной чарочки водки нет у вас если, айгай:
Одна чарочка пива сгодится, айгай!
Одной чарочки пива нет у вас если, айгай:
Завязка от штанов сгодится, айгай!
Давайте пойдем в другой дом, айгай,
Пирогов да поесть, айгай!
Пирого ваши словно хлеб (= очень вкусны),
айгай,

Сами вы очень душевные, айгай!))
[Там же, 34–35].

Чук являлся одним из важных и неизменных элементов атрибутивного ряда в удмуртском обряде северных удмуртов

кренъ-юон (букв.: праздник хрена), проводимого на следующий день после проводов Масленицы [Владыкина, Глухова 2016, 100]. Группой женщин, обходившей дворы, руководил «бабий старшина» — старик в берестяном цилиндрическом или конусообразном колпаке с нашитыми на нем разноцветными лоскутками *чук* [Первухин 1888, 110] и с посохом в руках, к которому его жена привязывала лоскут материи, кисет или платок. Точно так же его «одаривали» в каждом доме. При этом и дары тоже называли *чук*⁵.

Обычай собирать лоскутки девочками (*чук кураны/чача бичаны* — букв.: собирать *чук* / собирать лоскутки = ляльки/игрушки) был характерен для северных удмуртов во время Великого четверга

Фото 1. Чук на посохе во время реконструированного обряда *кренъ-юон* до обхода дворов (д. Кельдыши, Шарканский р-н УР). Фото Г. А. Глуховой, 2017 г. (материалы фольклорного фонда ИУФФИЖ УдГУ)

Photo 1. A “chuuk” upon a staff during the reconstructed ritual “Kiren'-yon” before Lent procession of the homesteads (Kel'dyshi village of Sharkan district of the Udmurt Republic). Photo by T. A. Glukhova, 2017 (materials of folklore funds of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism)

⁵ Чук на посохе в реконструированном обряде см. на фото 1.

(*Великочетверик / Чукмунчо уй*), наделенного различными поверьями и обрядами, основу которых составляли апотропейная и очистительная виды магии. По мифологическим представлениям в ночь со среды на четверг на Страстной неделе злые силы (оборотни, колдуны, умершие предки) получали возможность нанести вред людям и скоту. С раннего утра девочки-подростки собирались по несколько человек, обвязывали запястья красной нитью и ходили из избы в избу, выпрашивая разноцветные шерстяные нитки или лоскутки. В каждом доме хозяйки подвязывали «подарки» к нити. Собранными нитками перевязывали пальцы, кисти рук и поясницу всех членов семьи, «чтобы не чувствовать усталость во время летнего сенокоса». Из лоскутков девочки шили одежду для кукол или делали тряпичные куклы-«завёртки». Игрушки наделялись апотропейными функциями, должны были уберечь их обладательниц от болезней и несчастий [Владыкина, Глухова 2011, 139; Попова 2009, 13].

В качестве обязательного обрядового атрибута *чук* присутствует на праздновании Пасхи (*Бьд́зым нунал/Акашка* — букв.: Великий день/праздник встречи весны), которую в д. Нижняя Уча Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне территория Республики Татарстан) в XIX в. отмечали в течение недели. На второй день обряда *акашка-дюон* (пиршество по поводу встречи весны) после обеда начинались игрища и праздничные гулянья *валэн дюмшан*, во время которых парни объезжали дома верхом на лошадях в сопровождении играющих на гусях женщин. Вместе с ними ходили и несколько стариков. На ступеньках крыльца каждого дома они с яйцами, лепешками-табаними и яичной лепешкой молились Богу: «*Этот дом от плохого-злого, от пожаров если бы оградил <Господь>!*» После моления хозяин дома потчевал гостей. Вначале преподнесенные угощения пробовали молившиеся перед этим старики, затем их раздавали парням. При объезде дворов собирали яйца и полотенца-*чук*. *Чук* собирали только у молодоженов. После обхода дворов молодые парни и девушки верхом на лошадях выезжали в поле и объезжали свои полосы. Затем начинались скачки,

Фото 2. Чук на посохе во время реконструированного обряда *кренъ-юон* после обхода дворов (д. Кельдыши, Шарканский р-н УР). Фото Г. А. Глуховой, 2017 г. (материалы фольклорного фонда ИУФФИЖ УдГУ)

Photo 2. A “chuuk” upon a staff during the reconstructed ritual “Kiren-yon” after Lent procession of the homesteads (Kel'dyshi village of Sharkan district of the Udmurt Republic). Photo by T. A. Glukhova, 2017 (materials of folklore funds of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism)

Фото 3. Чук/чача на прялке — приданом невесты (д. Дырдашур, Шарканский р-н УР). Фото Г. А. Глуховой, 2017 г. (материалы фольклорного фонда ИУФФИЖ УдГУ)

Photo 3. A “chuuk” (“chacha”) on a spindle in a bride’s trousseau (Dyrdashur village of Sharkan district of the Udmurt Republic). Photo by T. A. Glukhova, 2017 (materials of folklore funds of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism)

собранные полотенца дарили победителям [Munkácsi 1887, 170].

Еще в первой половине XX в. скачки на лошадях (*пучы-ворттон* — букв.: вербные скачки) в д. Старая Салья

Киясовского района проводили на третий день пасхального праздника (*Быдъым нунал*). Утром дети ходили к молодежи и собирали чук-полотенца (*кузькышет*), платки (*кышет*), головные полотенца (*чалма*), чтобы вручить их победителям [Владыкина, Глухова 2011, 164–166].

«Проводы» первого весеннего праздника Акашка (*Акашка келян*) в д. Нижние Юраши Граховского района, согласно современным полевым материалам, отмечены шествием девушек за пределы деревни. Девушки «проводжали» праздник с пением обрядового напева, каждая несла палку с привязанными к ним лоскутками ткани, которые она получила во время обхода дворов во время сбора яиц, крупы, молока, масла для приготовления общей трапезы. За пределами деревни палку с лоскутками втыкали в землю или выбрасывали [Пчеловодова 2015, 111].

ЧУК В ОБРЯДАХ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ И СЕМЕЙНЫХ РИТУАЛАХ

Приведенные выше примеры операционных моделей с дарами в виде чука в календарных обрядах так или иначе связаны с половозрастной социализацией членов деревенской общины, чаще всего переходного возраста. Преподносят чук молодым парням и девушкам на выданье, дарят чаще всего молодежи. Для одних это подарки, для других — жертва.

Чук в качестве даров-подношений фигурирует в осеннем молодежном обряде *пукись куно/кубо возьмась* (букв.: гостя-сиделка / прялку стерегущая) в традиции удмуртов центральных районов Удмуртии (Шарканский и Якшур-Бодьинский районы). По завершении полевых работ совершеннолетнюю девушку крестные родители приглашали на посиделки. В назначенный день они приезжали за девушкой и увозили ее на какое-то время к себе с одной или двумя самыми близкими подругами: «прялку сторожить». Обычно «гостя» занималась прядением в течение месяца. Затем устраивали обряд-одаривание, превращая ситуацию в смотрины. В гости приходили родственники крестных, приезжали родители девушки. К этому времени крестные готовили новую

разукрашенную прялку. Собравшиеся гости с прибаутками-приговорами привязывали и/или накидывали на прялку подарки (см. фото 2 на 3 обложке). Вначале это делали крестные, затем родители и остальные гости. После одаривания прялку аккуратно и плотно обматывали большим лоскутом материи или лентой, превращая ее в «куклу». Во время застолья девушку и ее подруг пытались обмануть, чтобы выкрасть прялку с дарами-чук. Если это удавалось, девушка должна была откупиться домашним вином. Если «виноватыми» оказывались «сторожа», то их заставляли спеть или сплясать. В завершение праздника девушку благословляли. По возвращении домой все подарки развязывали и передавали матери. Дары-чук в дальнейшем были частью приданого невесты. В целом этот вид посиделок являлся, по-видимому, предварающей частью свадебных обрядов. Об этом свидетельствует и ситуация укрывания девушки большой шалью или платком с кистями перед выходом из дома, когда ее увозили к крестным на посиделки. Акциональная символика обычая перекликается с обрядом сватовства и увоза просватанной невесты в дом жениха⁶.

В центральных районах Удмуртии (Игринский, Дебёсский, Шарканский) до сих пор сохранена послесвадебная традиция подношения молодежи в качестве приданого рабочих инструментов — граблей (*мажес*) и косы (*кусо*). Перед выходом на сенокос ее мать с граблями в руках обходила родственников. Они привязывали к граблям *мажес туг / мажес чук* — отрезки ткани, платки, полотенца. Инструменты в таком виде отвозили невесте, она символически использовала их в первый день выхода на сенокос, угощая при этом всех присутствующих.

Любопытный образец даров-чук используется удмуртами на свадебном пиру (*сюан*). После обхода домов родственников невесты на поезжан со стороны жениха (*сюанчи*) поверх их одежды набрасывают чук — чужую одежду. Переодевшиеся таким образом поезжане при этом напоминают ряженых: мужчины одеты в женские платья, повязаны платками, женщины — в мужские рубахи и штаны,

⁶ Прялку невесте могли дарить непосредственно на свадебном пиру или после свадьбы как приданое. Виды чука при этом могли варьироваться (см. фото 3).

в шапках или картузах. Через две-три недели чук возвращают хозяевам с завернутыми в одежду гостинцами (конфетами, пряниками, выпечкой) [Христоробова 1995, 187]. Неженатым молодым парням девушки также дарят чук, прикрепляя к головным уборам ленты в виде бантов.

Функцию дара умершим родителям чук выполнял в поминальном жертвоприношении — «отдании головы и ног <животного>» (*йыр-пыд сётон*), когда в увозимое к корням определенного дерева лукошко вместе с костями клали мелкие монеты и лоскутки/тряпицы или вырезанные из лоскутков подобие платья/рубахи [Владыкин 1994, 172].

ЧУК/ТУГ В РЕКРУТСКОМ ОБРЯДЕ

Чук/туг является неизменным атрибутом обряда проводов в армию, обычно это лоскут или лоскутки разноцветной ткани и/или ленточек, вбитые монетой в матицу⁷. Более архаичным вариантом метки-оберега, судя по информации в источниках XIX в., является кольцо с лентой, воткнутое/вбитое в брус — несущую потолочную конструкцию избы, на которой располагались полаты. Рекрут «отщепывал» от него кусок дерева и зашивал

в ладанку [Богаевский 1888, 49]. В современной традиции чук/туг может состоять из разных предметов, выбор которых зависит от локальной традиции. У южных удмуртов новобранец вместе с атласными лентами прибавляет и бумажные купюры (см. фото 3 на 3 обложке)⁸, а если у него есть девушка — и вышитый ею носовой платок. Чук/туг втыкают/вбивают ножом/молотком в матицу отчего дома непосредственно в момент прощания с семьей и выхода из дома, в предшествующие дни — в домах родственников и односельчан, которых он обходит вместе со своими друзьями. Процедура вбивания ленточек-чук сопровождается пением рекрутского напева (*лекрут гур / салдат гур*), различающегося в каждой локальной традиции. Структура приуроченных к напевам текстов сконтаминирована из устойчивых мотивов получения повестки, удостоверения пригодности к службе, прощания с родным домом и родственниками, противопоставления мирных буден и солдатской доли (Завьяловский, Малопургинский, Киясовский районы) [Вершинина, Владыкина 2014, 363], по содержанию они являются своеобразным комментарием ритуального действия:

«Млемыз мемей марлы вор(ы)дылэм — мумыкорез, ой, дурыны,
Млемыз мемей марлы вор(ы)дэм — мумыкорез дурыны.

Мумыкорез дурыны но городысь городэ, ой, ветлыны,
Мумыкорез дурыны но кузь скоресэз лёганы.

.....

Ваелэ но, ой, сётэлэ бурччин гынэ, ой, чукъэстэс,
Ваелэ но, ой, сётэлэ бурччин гынэ чукъэстэс.

Бурччин чукты, ой, өвёл ке, дэрэм сеп но яралоз,
Бурччин чукъэсты өвёл ке, дэрэм сеп но яралоз.

Ваелэ но, ой, сётэлэ зарни гынэ, ой, молоддэс,
Ваелэ но, ой, сётэлэ зарни гынэ молоддэс.

Зарниез ке, ой, өвёл ук, чаг кесён пурт но яралоз,
Зарниез ке, ой, өвёл л ке, простоез но яралоз.

⁷ При отсутствии матицы в современной конструкции дома чук/туг вбивают в верхний косяк двери, ворота, специально прибитый к потолку брус, имитирующий матицу (см. фото 3 на 3 обложке).

⁸ Эта традиция получила свое неожиданное воплощение в обычае посетителей-иностранцев удмуртского Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» вбивать «на память» чук в матицу гостевой избы (см. фото 4 на 3 обложке). Пользуясь случаем, благодарим директора музея-заповедника Т. Г. Шкляеву за возможность работы в фондах.

Ваелэ но, ой, сётэлэ куасам бери, ой, пукондэс,
Ваелэ но, ой, сётэлэ куасам бери пукондэс.

Куасам берез ке(й) өвбл, простоз но, ой, яралоз,
Куасам берез ке(й) өвбл, простоз но яралоз.

Та чукъёсме мон шуккиско тйледлы, ой, синпельлы,
Та чукъёсме мон шуккиско тйледлы синпельлы.

Тузон ке но, ой, пуксылоз, тылен шуккыса, ой, возелэ,
Тузон ке но, ой, пуксылоз, тылен шуккыса возелэ.

Та чукъёсы дужектйз ке, “Ваня бырем”, ой, шуэлэ,
Та чукъёсы дужектйз ке, “Ваня бырем” шуэлэ.

Мнэсьтым кылем дйськутъёсме чогысь чоге, ой, вошгялэ,
Мнэсьтым кылем дйськутъёсме чогысь чоге вошгялэ.

Мнэсьтым кылем яратон(ы)ме мон кадь потса, ой, ускелэ,
Мнэсьтым кылем яратон(ы)ме мон кадь потса ускелэ.

(Нас матушка для чего родила — матицу, ой, ковать,
Нас мама зачем родила — матицу ковать.

Матицу ковать да из города в город, ой, переезжать,
Матицу ковать да длинную дорогу топтать.

Дайте же, ой, дайте шелковый да, ой, чук,
Дайте же, ой, дайте шелковый да чук.

Если нет шелкового, ой, чука, подойдет и лоскуток от рубашки,
Если нет шелкового чука, подойдет и лоскуток от рубашки.

Дайте же, ой, дайте золотой да, ой, молот ваш,
Дайте же, ой, дайте золотой да молот.

Если золотого, ой, нет, и нож-косарь подойдет,
Если золотого, ой, нет, и нож-косарь подойдет.

Дайте же, ой, дайте с гнутой спинкою, ой, стул,
Дайте же, ой, дайте с гнутой спинкою стул.

Если нет с гнутой спинкой, и простой да, ой, подойдет,
Если нет с гнутой спинкой, и простой да подойдет.

Этот чук-ленты я забиваю вам, ой, на память,
Эти чук-ленты я забиваю вам на память.

Если, ой, запылится, крылышком, ой, сметайте,
Если, ой, запылится, крылышком сметайте.

Если этот чук пожелтеет, “Ваня погиб”, ой, скажите,
Если этот чук пожелтеет, “Ваня погиб” скажите)»
(д. Гожня, Малопургинский р-н) [Там же, № 210].

Согласно поверьям, чем больше лоскутков/ленточек оставит новобранец, тем удачнее пройдет его служба в армии. В современной традиции *чук/туг* расценивается как своеобразная памятка/подарок родному дому / родственникам (*синпель/синпелет*), апотропейная функция которого непосредственно связана с матицей и ее обережными свойствами: «Туг — со мумыкорлы кузьым, мумыкор мед утёз нй шуса шукко» (Туг — это подарок матице, их вбивают, чтобы матица охраняла <солдата>) (Зап. от Анны Егоровны Лекомцевой, 1930 г. р., удм. (урож. д. Лонки-Ворцы, Игринский р-н), д. Сеп, Игринский р-н, УР. Соб. Т. И. Панина. 2017 г.) [ПМА]. Перед выходом из

дома новобранец еще раз прикасается к матице со словами: «*Бертонэз мед адзо, зеч сюрес сёт, уть монэ*» (Да увидеть мне возвращение, хорошей/благополучной дороги дай, охраняй меня) [Там же], «*Возьма монэ, мумыкор!*» (Охраняй/Жди меня, матица!) [Христолюбова 1984, 105]. *Чук/туг* хранится до возвращения солдата из армии. Вернувшись, он обходит дома, в которых оставлены прибитые им ленточки-чук, дарит хозяевам подарки и сам снимает их.

Именно в рекрутских песнях расшифровывается знаковая функция оберега-чук в традиции — стать материальным символом заместителя души уходящего в солдаты парня:

«Этот вбитый, ой, мой чук храните до моего возвращения,
Если вернусь, ой, сам зубами вырву,
Если сам вернусь, зубами вырву.

Если пыль, ой, сядет, сметайте, ой, крылышком,
Если пыль, ой, сядет, сметайте, ой, крылышком.

Если меня захотите увидеть, вырвите и бросьте,
Вырвите и бросьте да в реку Волгу.

Если в Волгу-реку бросите, пусть ко мне он приплывет,
Если в Волгу-реку бросите, пусть ко мне он приплывет»
(д. Старая Бурожикъя, Малопургинский р-н) [Вершинина, Владыкина 2014, № 209];

«Этот вбитый, ой, чук себя ожидать, ой, вбиваю,
Этот вбитый, ой, чук себя ожидать вбиваю.

Когда сам приду/вернусь, зубами вырву, ой, и возьму,
Когда сам приду/вернусь, зубами вырву и возьму.

Если пыль сядет/ запылится, гусиным крылом, ой, смахните,
Если пыль сядет/ запылится, гусиным пером смахните.

Если начнет, ой, желтеть, «сын наш тоскует», ой, скажите,
Если начнет, ой, желтеть, «сын наш скучает» скажите»
(д. Алганча-Игра, Малопургинский р-н) [Там же, № 211].

Процесс вбивания сопровождался гаданием на жизнь/смерть будущего солдата. После закрепления оберега к матице новобранец должен был бросить нож

или молоток через плечо так, чтобы они не упали плашмя: нож должен был воткнуться в пол, а молоток — «встать на голлову» (*йыр йылаз султыны кулэ*):

«Ой, тяжело да, очень тяжело на стул подниматься,
Еще тяжелее, ой, оказалось матицу ковать.

Дайте же, подайте с серебряной рукояткой нож,
Дайте же, подайте с золотой рукояткой молоток.

Ой, тяжело да, очень тяжело да матицу ковать,
Ой, тяжело да, очень тяжело да матицу ковать.

Вернусь ли, нет ли: пусть нож мой воткнется (букв.: упадет на голову),
Вернусь ли, нет ли: пусть нож мой воткнется.

Если я не вернусь <если не судьба вернуться>, пусть мой нож не воткнется,
Если я не вернусь <если не судьба вернуться>, пусть мой нож не воткнется.

Вернусь еще, вернусь еще в родительский дом,
Вернусь еще, вернусь еще в родительский дом <мой нож воткнулся>»
(д. Ср. Кечево, Малопургинский р-н) [Там же, № 239].

Вбитый в матицу *чук* по семантике адекватен манипуляциям рекрута с деревом. В отдельных деревнях новобранцы вбивали в березу или ель на священных местах деревенского локуса лоскуток или просто монету, которые могли символизировать и дар дереву [Шутова 2001, 56; Шутова 2004, 159], и причастность человека к родному окружающему миру, частью которого было дерево, охраняющего солдата на чужбине. Дерево, как и *чук* на матице, становилось заместителем души ушедшего из родного дома человека, причем этот вариант, по-видимому, более архаичен. Об этом свидетельствуют и удмуртские микро-топонимы, среди которых многочисленны названия деревьев *йыро кыз* (букв.: ель с головой), *чыртыо кыз* (букв.: ель с шейей), *картузо кыз* (букв.: ель с картузом), соотносимые с рекрутским обрядом: «Во время проводов новобранец, забравшись на ель, срубал несколько верхних веток, оголяя ствол. Верхние ветки оставались, придавая дереву человеческий облик, что соответствовало его названию. Иногда верхушку дерева непосредственно срубали, но сделать это нужно было так, чтобы оно продолжало расти. Считалось, что если дерево после этого засохнет, значит, этот человек не вернется домой, если не засохнет — вернется со службы» [Владыкина 2003, 56–57; Владыкина, Кириллова 2017, 238]⁹.

Другой разновидностью *чук* в рекрутском обряде были подарки от

родственников и односельчан: полотенца, кисеты, носовые платки, банты. Полотенца вешали ему на шею, пучки лент / банты прикрепляли к одежде или головному убору¹⁰. Полотенцами рекрут размахивал в момент непосредственных проводов, когда провожающие вели его по деревне до околицы; махал ими на прощание по дороге, пока не скрывался из виду.

ВЫВОДЫ

Анализ обыденного и ритуального использования разнообразных по форме тканых изделий (пучок лоскутков, лент; отрезы материи, полотенца, женские головные полотенца) или основы для тканья (нить / кисточка из ниток) позволил выявить полифункциональную сущность атрибутивного символа *чук* в традиционной культуре удмуртов. Его многозначность обусловлена, по-видимому, наложением значений омонимичных слов. Удмуртское слово *чук* в значении 'нить/пряжа; кисть/пучок/связка из разноцветных ниток, бахромы, ленточек, лоскутков; полотенце, покрывал, платков' заимствовано в связи с видом и фактурой предметной реалии из татарского *чук/тюк* 'кисть, кисточка, гроздь'; а *чук* в значении 'жертва, жертвоприношение' — из булгарского [Тараканов 1981, 49] по ее функции. В результате такого переплетения в зависимости от ситуации *чук* воспринимается как метка-оберег, жертва-дар, символ-знак замещения человеческой души.

⁹ Ср. обычаи «заламывать» березу или ель в проводных рекрутских обрядах у вологодских русских [Ярыгина 2001, 151], карсикко рекрута у карел [Конкка 2013, 96–103].

¹⁰ См. традицию дарения и обращения с подарками у русских Верхнего Прикамья, в частности, способ перепоясывания полотенцами и закрепления лент, платков и полотенца на древке [Черных 2001, 148–149; фото].

Источники и материалы

Богаевский 1888 — *Богаевский П. М.* Очерк быта сарапульских вотяков // Сб. матер. по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. М., 1888. С. 14–64.

Вершинина, Владыкина 2014 — *Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск, 2014. (Удмуртский фольклор).

Первухин 1888 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев глазовского уезда. Эскиз II. Вятка, 1888.

ПМА — полевые материалы авторов. Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

Munkácsi 1952 — *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // MSFOu, 102. Helsinki, 1952.

Исследования

Верещагин 2000 — *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск, 2000.

Владыкин 1994 — *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Владыкина, Глухова 2011a — *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Дни недели в системе представлений удмуртов о времени // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 38–54.

Владыкина, Глухова 2011b — *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского народного календаря. Ижевск, 2011.

Владыкина 2003 — *Владыкина Т. Г.* Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. С. 54–66.

Владыкина, Кириллова 2017 — *Владыкина Т. Г., Кириллова Л. Е.* «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микропонимии удмуртов // Научный диалог. 2017. № 11. С. 232–246.

Владыкина 2008 — *Владыкина Т. Г.* Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2008. Вып. 1. С. 83–87.

Конкка 2013 — *Конкка А.* Карсикко. Петрозаводск, 2013.

Панина 2014 — *Панина Т. И.* Слово и ритуал в народной медицине удмуртов. Ижевск, 2014.

Попова 2009 — *Попова Е. В.* Антропоморфные фигуры в современной знахарской практике бесермян // Традиционная культура. 2009. № 1. С. 11–19.

Пчеловодова 2015 — *Пчеловодова И. В.* Традиционные календарные обряды удмуртов в условиях современной деревни (на примере Граховского района Удмуртской Республики) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. Т. 25. № 6. С. 109–113.

Тараканов 1981 — *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пос. Ижевск, 1981.

Христолюбова 1984 — *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск, 1984.

Христолюбова 1995 — *Христолюбова Л. С.* Калык сямтьёсты чакласа (Удмуртские народные обычаи). Ижевск, 1995.

Черных 2001 — *Черных А. В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов; Отв. ред. С. П. Бушкевич. М., 2001. С. 142–149.

Шутова 2001 — *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001

Шутова 2004 — *Шутова Н. И.* Святылища в окрестностях д. Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Матер. и исследования: Сб. ст. / Отв. ред., предисл. Н. И. Шутова. Ижевск, 2004. С. 154–166.

Ярыгина 2001 — *Ярыгина Е. В.* Кологривский рекрутский обряд // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов; Отв. ред. С. П. Бушкевич. М., 2001. С. 150–151.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владыкина Т. Г. <https://orcid.org/0000-0002-6351-2818>

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34; тел.: +7 (3412) 68-78-44; e-mail: tgvладыкина@mail.ru

Глухова Г. А. <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета: Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426034, г. Ижевск, Университетская ул., д. 1; тел.: +7 (3412) 91-61-66; e-mail: galant@udm.ru

Панина Т. И. <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34; тел.: +7 (3412) 68-78-44; e-mail: tipanina@mail.ru

“CHUUK” IN THE UDMURT TRADITIONAL CULTURE

TATIANA G. VLADYKINA

(Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences:
34, T. Baramzinoy str., Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation)

GALINA A. GLUKHOVA

(Udmurt State University:
1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation)

TATIANA I. PANINA

(Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences:
34, T. Baramzinoy str., Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation)

Summary. *The article aims to analyze one of the most specific items of the Udmurt traditional culture: a so-called “chuuk” (in Southern dialects) / “tuug” (in Northern dialects) — red thread / yarn; a bunch / bundle of different coloured threads, fringes, ribbons, shreds; towels, bedspreads, and kerchiefs. The multifunctional nature of this specific thing is revealed in everyday and ritual contexts. Depending on the situation, “chuuk” is regarded as a label, a protective mascot, a sacrifice-gift, or a tangible symbol of a substitute for the human soul.*

In everyday situations “chuuk” is used in apotropaic magic and folk medicine. For example, red thread / yarn is worn around the ring finger to cure stye, it can be also worn on the infant’s right wrist to protect a baby against the evil eye. A bunch of wool or linen threads is attached to knitted and woven things if their pattern is copied by other craftswomen.

“Chuuk” functions as an attribute in the Udmurt calendar rites of spring-summer cycle, wedding ceremonies and recruit rites. In calendar rituals “chuuk” is recognized as a kind of sacrificial offering or a gift. Praising the flourishing nature alongside the youth and early adulthood, the rites of welcoming spring and summer peak are regularly marked by offering / presenting different types of cloth as a symbol of human life-way to boys and young men participated in horse race. At different stages of the wedding ceremony the semantics of the “chuuk” depends on its correlation with the participants of the ceremony: in regard to the bride the “chuuk” is recognized as a gift, in regard to the groom’s relatives and friends — as a way to personify a humorous image of strangers. In the recruit rites the “chuuk” is hammered into the joist of the house and serves as a material symbol of a substitute for the human soul, combining the functions of a label, a protective charm and a sacrifice.

Key words: *Udmurts, the “chuuk” in everyday situations and in rituals, label, protective mascots, sacrifice, gift.*

References

Chernykh A. V. (2001) Povedencheskie normy v rekrutskoy obryadnosti [Behavior norms in the recruit ceremoniality]. In: Muzhchina v traditsionnoy kul’ture [Masculine in traditional culture]. Comp. by I. A. Morozov. Ed. by S. P. Bushkevich. Moscow. Pp. 142–149. In Russian.

Khristol'yubova L. S. (1984) Semeynye obryady udmurtov (traditsii i protsessy obnovleniya) [Family rites of the Udmurts (traditions in the process of renovation)]. Izhevsk. In Russian.

Khristol'yubova L. S. (1995) Kalyk syam'esty chaklasy [Udmurt folk customs]. Izhevsk. In Udmurt.

Konkka A. (2013) Karsikko. Petrozavodsk. In Russian.

Panina T. I. (2014) Slovo i ritual v narodnoy meditsine udmurtov [Word and ritual in folk medicine of the Udmurts]. Izhevsk. In Russian.

Pchelovodova I. V. (2015) Traditsionnye kalendarnye obryady udmurtov v usloviyakh sov-

remennoy derevni (na primere Grakhovskogo rayona Udmurtskoy Respubliki) [Traditional calendar rituals of the Udmurts in conditions of the contemporary village (exemplified in Glazov district, Udmurt Republic)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt university. Series History and philology]. 2015. Vol. 25. No. 6. Pp. 109–113. In Russian.

Popova E. V. (2009) Antropomorfnye figury v sovremennoy znakharskoy praktike besermyan [Anthropomorphic figures in contemporary healing practices among the Besermyans]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2009. No. 1. Pp. 11–19.

Shutova N. I. (2001) Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Pre-Christian Worship Monuments in the Udmurt Religious Tradition. Probes on Complex Studies]. Izhevsk. In Russian.

Shutova N. I. (2010) Derevenskie zhretsy v narodnoy religii udmurtov (konets XIX — per-

vaya polovina XX v.) [Village priests in the folk religion of the Udmurts (end of the 19th — the 1st half of the 20th century). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralic historical herald]. 2010. No. 1 (26). Pp. 130–137. In Russian.

Tarakanov I. V. (1981) Inoyazychnaya leksika v sovremennom udmurtskom yazyke [Foreign language lexis in the contemporary Udmurt language]. Izhevsk. In Russian.

Vereshchagin G. E. (2000) Etnograficheskie ocherki [Ethnographic essays]. Book 2. In: Coll. works. In 6 vol. Vol. 3. In Russian.

Vladykin V. E. (1994) Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious-Mythological World-View of Udmurts]. Izhevsk. In Russian.

Vladykina T. G. (2003) Fol'klornyy tekst v mifologicheskoy kontekste [Folklore text in the mythology context]. In: Udmurtskaya mifologiya [Udmurt mythology]. Izhevsk. Pp. 54–66. In Russian.

Vladykina T. G. (2008) Mifologiya vizual'nogo i akusticheskogo v kommunikativnom povedenii udmurtov [Mythology of visual and acoustic in the communicative behavior of Udmurts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*

[Bulletin of Udmurt university. Series History and philology]. 2008. Issue 1. Pp. 83–87. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) Ar-god-bergan. Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [Ar-god-bergan. Rituals and Fests of the Udmurt Calendar]. Izhevsk. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) Dni nedeli v sisteme predstavleniy udmurtov o vremeni [Week days in the system of concepts on time among the Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Annual on finno-ugric studies]. 2011. Issue 3. Pp. 38–54. In Russian.

Vladykina T. G., Kirillova L. E. (2017) "Imen-nye derev'ya" ("nimtulo pispu") v mikrotoponimii udmurtov ["Nominal trees" (nimtulo pispu) in microtoponymy of Udmurts]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2017. No. 11. Pp. 232–246. In Russian.

Yarygina E. V. (2001) Kologrivskiy rekrutskiy obryad [Kologriv recruit ritual]. In: Muzhchina v traditsionnoy kul'ture [Masculine in traditional culture]. Comp. by I. A. Morozov. Ed. by S. P. Bushkevich. Moscow. Pp. 150–151. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Vladykina T. G. <https://orcid.org/0000-0002-6351-2818>

E-mail: tgvladykina@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

34, T. Baramzinoy str., Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation
Grand PhD (Philology), professor, leading researcher, Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences

Glukhova G. A. <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

E-mail: galant@udm.ru

Tel.: +7 (3412) 91-61-66

1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation
PhD (Philology), associate professor, Udmurt State University

Panina T. I. <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

E-mail: tipanina@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

34, T. Baramzinoy str., Izhevsk, 426067, Udmurt Republic, Russian Federation
PhD (Philology), researcher, Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences
